

ЗАМѢТКИ И ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ СТАТЬЯМЪ Г. ПЫПИНА

НАПЕЧАТАНЫМЪ ВЪ ВѢСТНИКѢ ЕВРОПЫ

ЗА 1885 И 1886 ГОДЫ.

СОЧИНЕНІЕ

ЯКОВА ГОЛОВАЦКАГО.

ВІЛЕНА.

Типографія А. Г. Сыркина, Большая ул., собствен. домъ, № 88.

1888.

I.

ЗАМѢТКИ и ДОПОЛНЕНІЯ

къ статьѣ

Обзоръ Малорусской Этнографіи.

Въ *Вѣстникъ Европы* за ноябрь 1885 года, стр. 351, помѣщена была статья г. Пыпина подъ заглавіемъ: „Обзоръ малорусской этнографіи“. Разсуждая о Малороссіи, авторъ въ изложеніи своемъ коснулся смежной съ Россіей Галиціи и старался по возможности разъяснить историческія, политическія, литературныя и международныя отношенія Поляковъ къ Русскимъ въ Галицкой Руси. Соглашаясь во многомъ съ г. Пыпинымъ и признавая всю полезность его обстоятельнаго изложенія малоизвѣстнаго въ русской литературѣ предмета, мы считаемъ необходимымъ сообщить нѣкоторые разъясненія и пополненія, чтобъ исправить многія неточности и неправильныя сужденія въ этой замѣчательной статьѣ, преимущественно съ тѣмъ, чтобы предостеречь другихъ отъ невольныхъ ошибокъ и невѣрныхъ взглядовъ повторяемыхъ за авторитетнымъ писателемъ и нерѣдко становящихся аксіомой въ наукѣ. Излагая съ возможною ясностью факты, мы надѣемся разоблачить при томъ многія недоумѣнія возникшія у г. Пыпина по поводу нашей записки, которая впрочемъ назначалась не для русской публики.

Г. Пыпинъ нашелъ многіе вопросы для себя неразъясненными. И понятно, живя въ Россіи и глядя съ особой точки зрѣнія, не зная мѣстныхъ обстоятельствъ жизни въ Галичинѣ и смотря на все глазами русскаго человека, онъ многое могъ истолковать себѣ превратно. Чтобы понять всѣ эти недоразумѣнія, нужно пожить на мѣстѣ, обстоятельно изслѣдовать почву, познакомиться съ народомъ, его бытомъ, отношеніями къ окружающимъ его элементамъ, словомъ—принять во вниманіе всѣ условія жизни.

При наблюденіи историческаго процесса политической и соціальной жизни Поляковъ и Русскихъ, все зависитъ отъ точки зрѣнія и взгляда на совершившіяся событія. Если Поляки, по словамъ г. Пыпина, окружаютъ фантастическимъ блескомъ свое *прошедшее* въ бывшей Рѣчи посполитой и воспламеняютъ свой патріотизмъ до фанатизма и все это въ глазахъ г. Пыпина вполне естественно, позволительно, даже похвально, почему же не допускать у Русскаго подобное же увлеченіе

Дозволено цензурою. 28-го Сентября 1887 года. Вильна.

славой и пламенною любовью къ давно прошедшему русскому быту, о котором мечтаетъ русскій Галичанинъ, окружающій неподдѣльнымъ блескомъ своихъ князей Ростиславичей и Мономаховичей, и зачѣмъ же порицать Галичанъ за воспоминанія объ единствѣ всей Руси? Гордясь славой своихъ предковъ, доблестями Володаря и Василька и могуществомъ Ярослава Осмомысла, Данила и Льва, силой и преобладаніемъ своего народнаго быта, независимостью и господствомъ Русскаго народа и православія во всей странѣ, гдѣ впервые родилась и объединилась русская народность и была въ полномъ смыслѣ русская и православная, русскій Галичанинъ желаетъ господства Русскаго элемента надъ всѣми наносными наслоеніями и возвращенія прежней русской жизни. Напротивъ, Поляки и полякующіе претендуютъ на свою потерянную власть въ этихъ исконно русскихъ земляхъ, при жизни массъ Русскаго народа, мечтаютъ о польскомъ господствѣ отъ моря до моря, велятъ Русскимъ забыть свою исторію и всякое воспоминаніе о русской старинѣ считаютъ бунтомъ противъ несуществующей Польши и измѣной фантастической ихъ ойчизнѣ!

Возможно ли когда-нибудь привести эти разнovidныя дробы къ общему знаменателю при такихъ отношеніяхъ: *Jak świat światem, nie będzie Polak Rusinowi bratem?*..

Г. Пыпинъ самъ признаетъ, что при разсужденіи о событіяхъ и проявленіяхъ жизни нужно „вспомнить“ всѣ условія времени и государственныхъ отношеній, но почему же онъ самъ не всегда примѣнялъ эту аксіому? Положимъ что, по словамъ г. Пыпина, по бытовому складу въ Галиціи „польское вліяніе, *худо ли, хорошо ли*, возымѣло громадную силу еще съ XVI—XVII столѣтія, гдѣ жизнь всего (?) высшаго и средняго класса сложилась по польскому (?) образцу и гдѣ польскій языкъ и обычаи были господствующими“, или, говоря прямо, страна была сильно ополячена, русскій языкъ и русскіе обычаи подавлены. Конечно, и *худо* и *хорошо*: для угнетенныхъ Русскихъ худо, а для угнетателей Поляковъ временно хорошо. Но главная разница между состояніемъ Юго-Западнаго края и Галиціи была та, что въ Галиціи не было „просто крѣпостныхъ, принадлежавшихъ своимъ господамъ“, а жилъ народъ Русскій (въ западной, меньшей половинѣ Мазурскій), который пользовался личною свободою съ извѣстными правами и съ семидесятихъ годовъ прошлаго вѣка состоялъ подъ опекой особыхъ узаконеній, въ силу которыхъ польская, болѣе высокая (?), но, по словамъ самаго автора, „очень грубая культура“ не могла такъ сильно тяготѣть надъ крестьянами и приводить „въ дѣйствіе свои просто помѣщичьи взгляды на бывшихъ просто крѣпостныхъ“, не считая того, что въ Червонной Руси издревле было много свободныхъ хлѣбопашцевъ, поселенныхъ на русскомъ и волошскомъ правѣ. Австрія заняла

Галицію въ 1772 году, при первомъ раздѣлѣ Польши, а Юго-Западный край достался Россіи только при третьемъ раздѣлѣ 1794 года, то-есть двадцатью двумя годами позже. Австрійцы немедленно преобразовали политическо-административное устройство чуждой имъ земли и, устранивъ всѣ польскіе порядки, завели чисто австрійское правленіе, съ исключительно нѣмецкою чиновничьею іерархіей. Во всѣ школы введенъ былъ нѣмецкій языкъ, а также въ администраціи и въ судахъ по всѣмъ инстанціямъ, Россія же оставила во многомъ прежніе польскіе порядки въ управленіи: Литовскій статутъ, крѣпостное право, шляхетскія привилегіи, остались въ полной силѣ. Въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ господствовалъ попрежнему польскій языкъ. Польская шляхта, благодаря составу чиновниковъ, успѣла подчинить остатки панцырныхъ и путныхъ бояръ, свободныхъ казаковъ и даже застѣнковой шляхты, своей „очень грубой культурѣ“.

Несмотря на то, что король и польскіе чины только въ 1776 году согласились на *добровольную* уступку ¹⁾ Червонной Руси, Австрійцы съ самаго вступленія распоряжались въ оккупированной ими Галиціи точно такъ, какъ теперь въ Босніи и Герцеговинѣ. Уже въ 1772 году (16 октября) упразднены были всѣ польскія должности и замѣнены нѣмецкимъ штатомъ. Съ 1773 года заведена соляная, а послѣ и табачная монополія. Всѣ земли размежеваны и оцѣнены; заведено урбаріальное положеніе; помѣщичьи земли и промыслы обложены поземельными и подоходными податями наравнѣ съ другими сословіями. Шляхетскіе суды, гродскіе, земскіе, подкоморскіе, а также каштеляніи, староства, совсѣмъ упразднены, и всѣ ихъ имѣнія взяты въ казну. Подъ штрафомъ было запрещено употреблять титулы прежнихъ достоинствъ. Городскія управы и магистраты реорганизованы были на нѣмецкій ладъ. Крестьянамъ объявлена была личная свобода съ правомъ перехода въ города на промыслы, занятія ремеслами и искусствами, даже безъ отпусной грамоты; открыты имъ всѣ пути къ образованію во всѣхъ публичныхъ школахъ, низшихъ и высшихъ. Сыновья крестьянъ наравнѣ съ другими сословіями могли дослуживаться до высшихъ чиновъ военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ. Повинности крестьянъ получили особыя нормы, барщина не должна была превышать трехъ дней въ недѣлю: былъ обозначенъ самый способъ производствъ работъ въ хорошую или дурную погоду, зимой 8, а лѣтомъ 12 часовъ, считая

¹⁾ Мартенсъ. *Собраніе трактатовъ и конвенцій*. СПб. 1875. II 42 и *Русскій Вѣстникъ* 1885, іюль 240, наша статья: О регулированіи границъ между Россіей и Австрійскою Галиціей.

при этомъ и полуденный отдыхъ (2 часа) и путь на мѣсто работъ ¹⁾. Права и обязанности помѣщиковъ относительно крестьянъ ограничены закономъ съ угрозой штрафовъ и наказаній за угнетеніе помѣщиками крестьянъ, (указъ 3 іюня 1775 года), подѣ наблюденіемъ цесарскихъ чиновниковъ, которымъ обезпечены при всякой жалобѣ суточные и прогонныя на счетъ помѣщиковъ. Штрафы взыскивались весьма строго. Кто изъ землевладѣльцевъ добывалъ (на своей же землѣ) соль, или позволялъ подданнымъ заниматься солянымъ производствомъ, подвергался штрафу въ 1.000 червонцевъ. За утайку предъ правительствомъ соляныхъ источниковъ и пользованіе ими на владѣльца налагался штрафъ во 100 дукатовъ, а волостные старшины наказывались тюрьмой и кандалами.

По австрійскимъ правамъ, дворяне освобождались отъ воинской повинности, но за то обложены были противъ недворянъ такими значительными штемпельными и таксовыми пошлинами, что многіе изъ мелкой шляхты отказывались отъ шляхетской легитимации и добровольно переходили въ сословіе мѣщанъ или свободныхъ хлѣбопашцевъ. Австрійское правительство (*die milde österreichische Regierung* ²⁾) вовсе не церемонилось даже съ ясневельможными; польскіе самодуры, въ родѣ Каневскихъ, Потоцкихъ, Калиновскихъ, присуждаемы были даже къ тюрьмѣ.

Изъ этихъ немногихъ указаній видно, что при такихъ условіяхъ, въ политическихъ, общественныхъ, сословныхъ и международныхъ отношеніяхъ въ австрійской Галиціи и юго-западной Россіи, образовались совершенно различныя соціальныя и бытовые взгляды. Правительственная власть въ Галиціи взяла верхъ; все должно было подчиниться ей; пришлый нѣмецкій элементъ сталъ господствующимъ; другимъ національностямъ не было хода.

Полонизмъ не могъ развиваться съ такою всепоглощающею силой, какъ въ Россіи, а русская придавленная народность начала оживать и возражаться. Австрійское правительство завело даже философскіе и богословскіе курсы во Львовскомъ университетѣ, которые просуществовали до третьяго раздѣла Польши, очевидно съ цѣлью ослабленія польскаго элемента, тяготившаго къ „крулевству“, пока оно влачило свое жалкое существованіе.

¹⁾ См. J. L. Klunker. *Die gesetzliche Unterthans-Verfassung in Galizien*, Lemberg 1845. J. P. Jordan *Jahrb. für slav. Literatur*. Leipzig. 1846, и нашу статью: *Zustände der Russinen in Galizien*. Ein Wort zur Zeit von einem Russinen.

²⁾ Это выраженіе было постоянно примѣняемо органами правительства при всѣхъ его крутыхъ мѣрахъ.

Только возстановленіе королевства Польскаго въ 1815 году и процвѣтаніе литературы въ Варшавѣ и Западномъ краѣ вывело и галицкихъ Поляковъ изъ летаргическаго сна, и съ двадцатыхъ годовъ началась кой-какая литературная дѣятельность, которая проявила новыя надежды и новыя силы послѣ происшествій 1830 года.

Быть-можетъ спросить: почему же при подобныхъ условіяхъ русская народность не обнаружила такой же дѣятельности и стремленія къ самостоятельному развитію? Для разрѣшенія этого вопроса нужно вспомнить условія времени и мѣстныхъ отношеній. Австрійское правительство вовсе не заботилось ни о польскомъ, ни о русскомъ языкѣ, а подчинило ихъ насильственному преобладанію нѣмецкаго. Только по необходимости администрація допустила польскую грамоту въ низшихъ школахъ, насколько оказалось нужнымъ для начальнаго обученія нѣмецкой грамотѣ. Только въ самыхъ низшихъ классахъ, приготовительномъ (*Elementar-Classe*) и I классѣ народныхъ и городскихъ училищъ (*Normal-und Volks-Schulen*) дѣтей обучали совмѣстно съ нѣмецкимъ и польскому языку, насколько это было нужно для переводовъ и объясненій нѣмецкихъ учебниковъ. Во II и III классахъ, въ гимназіяхъ и реальныхъ школахъ, вся наука шла на нѣмецкомъ языкѣ, по-польски нельзя было даже говорить. О русскомъ языкѣ не было и помину; по-русски и по-церковно-славянски не учили ни въ одной школѣ. По соображеніямъ Австрійскаго правительства, достаточно было органамъ правленія съ грѣхомъ пополамъ знать языкъ края, которымъ признавался во всей Галиціи польскій или которое-нибудь изъ славянскихъ нарѣчій (*die Landessprache oder irgend eine slavische Sprache*). При такомъ пренебреженіи правительства ко всему русскому и отвращеніи чиновниковъ къ немилой имъ кириллицѣ, неудивительно, что двухмилліонный Русскій народъ, подѣ кроткимъ будто бы австрійскимъ правленіемъ, въ теченіе пятидесяти слишкомъ лѣтъ не показалъ никакихъ признаковъ духовной жизни.

Въ это время и польскій элементъ еле дышалъ. Поляки, лишенные школъ, должны были довольствоваться домашнимъ самообразованіемъ. Галиція въ теченіе пятидесяти лѣтъ не произвела подѣ австрійскимъ правленіемъ ни одного писателя, не издала ни одного замѣчательнаго сочиненія, а питалась произведеніями прежнихъ временъ. Только съ двадцатыхъ годовъ, собственно съ тридцатыхъ, при воздѣйствіи Краковскаго, Варшавскаго и Виленскаго университетовъ и пограничнаго Кременецкаго лицея, подняла голову и оживилась польская литературная дѣятельность въ Галиціи. Положеніе Поляковъ было во всякомъ случаѣ выгоднѣе чѣмъ русскихъ Галичанъ. Несмотря на цензурныя и таможенныя мѣры, польскія книги приходили изъ-за границы, и Поляки могли считать своими собственными заграничныхъ писателей и

питаться народною духовною пищей. Напротивъ, Австрійцы всѣми мѣрами старались не допускать сношеній русскихъ Галичанъ съ Россіей и не позволяли имъ пользоваться русскою литературой. Нѣмецкая администрація боялась сознанія въ народѣ письменнаго единства съ Россіей, а римско-католическая іерархія опасалась сближенія галицкихъ униатовъ съ русскимъ православіемъ. Нѣмцы и Поляки, казалось, берегли непоколебимость Галичанъ въ лояльной вѣрности Австрійскому цесарю и Римскому папѣ.

Въ 1809 году, когда Наполеонъ I, разгромивъ Австрійцевъ, бомбардировалъ Вѣну, русскимъ войскамъ приказано было занять всю русскую Галицію. Но пребываніе русскихъ войскъ было слишкомъ кратковременно, чтобы могло завязаться близкое знакомство, такъ же какъ и походъ русскихъ корпусовъ въ 1849 году въ Венгрію и обратно не способствовалъ сближенію Русскихъ съ Галичанами. Нѣмцы подозрительно смотрѣли на взаимныя симпатіи между народомъ и русскими солдатами; офицеры же русскіе вовсе не интересовались состояніемъ страны, складомъ жизни и отношеніями Галичанъ.

Галицкіе Поляки, по давнему преданію, привыкли называть „народомъ“ собственно шляхту; но послѣ вышеупомянутыхъ австрійскихъ реформъ, въ общественномъ мнѣніи, можетъ-быть и раньше чѣмъ въ Польшѣ, стали понимать выраженіе „народъ“ въ русскомъ смыслѣ и признавать русскую, малорусскую народность. Тѣмъ не менѣе, даже Вацлавъ Залескій, при всей своей симпатіи къ русскому „люду“ и гуманномъ направленіи, не могъ воздержаться отъ желанія подчинить бывшій когда-то крѣпостной народъ Русскій польскому преобладанію и соединить галицко-русскую литературу съ польскою. Конечно, всѣ Поляки поняли его мысль; Бѣлѣвскій и К° разсыпались въ похвалахъ ему именно за то, что Залескій употребилъ латинскій алфавитъ, прибавляя саркастически: „не глаголитскій или кирилловскій (polskich charakterów, nie głagolickich (!) albo kirylickich)“. Впрочемъ, не одинъ Залескій предлагалъ замѣнить кириллицу латинскою азбукой. Львовскій литераторъ, папъ Адамъ изъ Росцишева Росцишевскій, совѣтовалъ даже М. П. Погодину оставить „свои іероглифы“ и завести въ Россіи латинскія буквы ¹⁾.

¹⁾ Вотъ что пишетъ О. М. Бодянский къ Михаилу Петровичу: „Долго ли до васъ печатное письмо въ *Приложеніяхъ къ Кентамъ Чешскимъ* какого-то А*** объ истребленіи кириллицы и введеніи на ея мѣсто латинскаго письма? А, право, жаль коли вы не читали этой диковинки! вѣдь она по всему вамъ принадлежитъ. Тутъ васъ вызываютъ быть новымъ Поссевиномъ, и все это въ духѣ братской взаимности. Дурниѣ не съютъ, ни орютъ, сами родятца“. *Письма къ М. П. Погодину*. Москва, 1879, стр. 108.

Вотъ около этихъ съ разными понятіями связанныхъ принциповъ кружится Галицко-Русскій вопросъ съ Поляками и до сихъ поръ не можетъ прийти къ разрѣшенію. Поляки понимаютъ слово „народъ“ въ своемъ шляхетскомъ значеніи и стремятся все подчинить польскому владычеству, русскіе же Галичане старые и молодые ратуютъ за самостоятельное обособленіе Русскаго народа въ русскомъ значеніи слова. Отсюда и происходитъ навязываніе Поляками латинско-польскаго алфавита (polskich charakterów) и рѣшительный отпоръ Русскихъ противъ всякихъ усилій на счетъ введенія латиницы, кѣмъ бы она ни была проектирована, Залескимъ и Бѣлѣвскимъ въ 1830 году, или министромъ графомъ Туномъ и его секретаремъ I. Иречкомъ, или же графомъ Агеноромъ Голуховскимъ и его приспѣшникомъ Dr. Чержавскимъ въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ ¹⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что на эти безтолковые споры теряется много силъ и времени, которыя бы можно было употребить на реальную и болѣе полезную дѣятельность; но борьба изъ-за принциповъ всегда бываетъ жестока, если ея девизомъ служить: быть или не быть. Настроеніе народа въ отношеніяхъ между Поляками и Русскими имѣетъ свои корни въ историческихъ событіяхъ и взаимодѣйствіи въ теченіе многихъ вѣковъ. Мы смотримъ на настоящіе факты какъ на результатъ прошлаго, предоставляя болѣе свѣтлымъ и догадливымъ умамъ изыскивать причины ихъ. Неизмѣнная польская роковая идея, польская мысль и польское убѣжденіе всегда стоятъ поперекъ русской идеи, русской мысли и русскихъ убѣжденій. Мы не виноваты, что такъ сложились обстоятельства.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателей на нѣкоторыхъ неточностяхъ вкрапившихся въ статью г. Пыпина. На стр. 363 авторъ въ первомъ примѣчаніи выражаетъ предположеніе, что *Pamiętnik narodowy* съ 1827 года та же книга, что *Pamiętnik naukowy* 1837 года. Для предостереженія читателей мы должны объяснить, что г. Бодянский неправильно напечаталъ это изъ нашей записки. Въ 1827 году нѣкто Лудвикъ Понткевичъ издалъ во Львовѣ сборникъ статей подъ заглавіемъ *Pamiętnik* (то-есть Путникъ) *narodowy, czyli zbiór drukiem nieogłoszonych pism różnego pióra wierszem i prozą*, (12) 112 стр. ²⁾, на который В. Залескій ссылается въ своемъ предисловіи, стр. XII. *Pamiętnik naukowy*, изданный Леславомъ Лукашевичемъ въ Краковѣ 1837 года, III тома, былъ совершенно другого рода журналъ ³⁾.

¹⁾ См. наше изданіе *Die ruthenische Sprach- und Schriftfrage in Galizien*. Lemberg. 1861.

²⁾ См. *Estreicher's Bibliografia polska*. Krak. 1876, т. III, стр. 379.

³⁾ См. тамъ же стр. 19.

Признавая недостаточными классификаціи народных пѣсенъ въ русскихъ сборникахъ, г. Пыпинъ (стр. 365) утверждаетъ, что Вадлавъ Залескій свою „собственную классификацію *очень вѣрно* основываетъ на самомъ народномъ бытѣ“. Между тѣмъ, эта классификація такъ же недостаточна какъ и другихъ издателей пѣсенъ тридцатыхъ годовъ. Залескій раздѣлилъ пѣсни на два главные раздѣла: пѣсни мужскія (занимающія въ его сборникѣ только 19 листовъ) и женскія (обнимающія 238 листовъ). Уже эта несоразмѣрность показываетъ, что Залескій мало враждался въ народѣ и основалъ свое дѣленіе на предполагаемой теоріи эпической и лирической поэзіи. Многія изъ мнимыхъ мужскихъ пѣсенъ поются исключительно женщинами и нѣкоторыя даже сочинены ими, напримѣръ въ Зал. Сбор. Пѣсн., стр. 502.

Тоту собѣ слѣваночку *сестричка* складала,
Шобы брата Стефаночка та не забувала.

Что касается женскихъ пѣсенъ, то цѣлые отдѣлы поются исключительно мужчинами, напримѣръ Коляды; другія же по существу своему свойственны мужчинамъ, напримѣръ, пастушескія, солдатскія (wojackie), разбойничьи, не считая уже матросскихъ (!), (кто слышалъ о матросахъ среди материка?), охотничьихъ, рыбацкихъ, горнозаводскихъ, ремесленничьихъ, которые не могутъ быть у народа и коихъ конечно и въ сборникѣ Залескаго нѣтъ. Корчемныя пѣсни уже потому нельзя причислить къ женскимъ, что для женщинъ считается неприличнымъ засиживаться въ корчмѣ, и если ради пляски матери съ дочерью приходятъ въ корчму, то остаются на подсѣнью (въ сараѣ), гдѣ обыкновенно происходятъ танцы, не заходя въ кабакъ, а въ сумерки возвращаются домой. Корчемныя пѣсни поютъ развѣ подгулявшіе обычные посѣтители кабаковъ. Это извѣстно всякому, кто жилъ и бывалъ между Русскимъ народомъ, только неизвѣстно панамъ кабинетнымъ этнографамъ. Если эта несообразность простибельна была первому неопытному издателю народныхъ пѣсенъ въ тридцатыхъ годахъ, то нельзя не удивляться, что эта ошибка повторяется этнографомъ восьмидесятыхъ годовъ. Стало-быть спустя 50 лѣтъ неопытный теоретикъ увлекся ложною теоріей прежняго теоретика, и все это по незнанію народа и его отношеній.

Впрочемъ, несостоятельность классификаціи В. Залескаго была доказана на практикѣ. Никто изъ позднѣйшихъ собирателей пѣсенъ не принялъ ея, ни Поляки, ни Русскіе.

На стр. 368 г. Пыпинъ разбираетъ причины „почему въ сборникѣ Залескаго соединены пѣсни польскія и русскія?“ Вѣря безусловно Залескому, г. Пыпинъ повторяетъ его заявленіе, что „Галиція заселена народомъ Польскимъ и Русскимъ. Въ Галиціи *модъ Польскій и Русскій живетъ въ перемежку* (promieszany)“. Это не вѣрно: Польскій людъ (Ма-

зуры) занимаетъ западные уѣзды, по рѣку Вислоку, впадающую въ Вислу; Русскій же народъ живетъ во всей восточной Галиціи, въ историческихъ границахъ бывшихъ русскихъ княжествъ Перемышельскаго, Галицкаго, Белзскаго, Тереховельскаго и пр. Польскіе колонисты немногочисленны; остальные же, совращены въ католичество, которые говорятъ по-русски и поютъ русскія пѣсни, а по-польски научились у ксендзовъ, привѣтствуя ихъ при встрѣчѣ: *Nie będzie pocholony* (sic *Jezus Chrystus*, и собственно не должны называться польскимъ „людомъ“.

Для посторонняго читателя казались бы уважительными вышеприведенныя причины. Между тѣмъ, существенную причину высказалъ самъ Залескій, а именно что „съ болѣе широкой точки зрѣнія (w wuższych względach) это отстраненіе Русиновъ отъ нашей (польской) литературы кажется мнѣ вреднымъ для цѣлой славянской (въ польскомъ смыслѣ) литературы. Словаки, Славяне Силезіи¹⁾, Мораване пристали къ Чехамъ; къ кому же могутъ пристать Русины?“ Вотъ самая важная причина, замаскированная пустыми фразами, причина политическая, побудившая Залескаго смѣшать русскія пѣсни съ польскими, въ предположеніи, что (какъ увѣряетъ г. Пыпинъ, стр. 373) „русскимъ Галичанамъ не нужно имѣть своей литературы, а слѣдуетъ пристать къ литературѣ польской“ (!!!). По этой причинѣ Залескій перемѣшал русскія пѣсни съ польскими и напечаталъ ихъ польскою азбукой, сознавая притомъ откровенно, что для составленія русской грамматики и родъ сербской составленной Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, было у него ни силъ, ни способности и, кажется, доброй воли. Залескъ выразилъ мнѣніе „что *все* славянскіе народы забросать эти старыя (кирилловскія) буквы (te stare charaktery“), которые ему также чужды и ненавистны какъ глаголитскіе. Вотъ какъ понимается даже лучшими Поляками славянское дѣло!

Въ это время, послѣ неудавшагося мятежа 1830 года, носителя польской идеи и польской *миссіи* были пускаемы въ публику разныя политическіе фокусы и дѣлались мирно завоевательныя поползновенія, которые, впрочемъ, не прекращаются и до сихъ поръ. Залескій, хотя по видимому лояльный австрійскій чиновникъ, пытался присоединить русскихъ къ польской литературѣ или собственно подчинить ихъ полонизму; другіе же литераторы болѣе безцеремонно приступали къ дѣлу.

¹⁾ Въ то время силезскіе Поляки (Сляваки, Waszerpolaken), не признавая къ полонизму, молились еще по чешскимъ молитвенникамъ. Теперь Полонисты энергически защищаютъ ихъ въ сеймахъ и требуютъ присоединенія къ Галиціи несмотря на то, что Силезія оторвалась отъ Великой Польши гораздо раньше Галичане отъ прочей Руси.

Августинъ Бѣлевскій прямо доказывалъ, что русскій языкъ есть составная часть польскаго языка, что письменный польскій языкъ есть результатъ слиянiя мазурскаго и русскаго нарѣчiй. Эту дикую теорiю развивалъ Бѣлевскій въ *Альбомѣ*, изданномъ графомъ Осипомъ Дунинымъ Борковскимъ ¹⁾.

Мы бы желали познакомить русскую публику съ этими изслѣдованiями объ образованiи польскаго языка, „крайне оригинальными гипотезами“, какъ выразился Н. А. Поповъ въ *Письмахъ къ М. Полюдину*, М. 1879, стр. 606.—Бѣлевскій пишетъ: „Въ древней Польшѣ, принимая ее хотя бы и въ самыхъ тѣсныхъ границахъ, въ языкѣ простонародья можно замѣтить три главнѣйшiе оттѣнка (*odcienia*) или диалекта, изъ которыхъ каждый одинаково природный (*rodzimy*) польскій. Первый протяжный, совсѣмъ лишенный носовыхъ гласныхъ и оттого до нѣкоторой степени невзвучный (*bezdźwięczny*). Его характеристика состоитъ въ томъ, что въ немъ согласныя *r* и *d* смягчаются посредствомъ *i*; впрочемъ, согласныя *sz*, *cz* и *szcz* выговариваются ²⁾. Этимъ диалектомъ говоритъ народъ въ восточныхъ провинцiяхъ Польши, даже въ тѣхъ странахъ, которые всегда и исключительно считались частью королевства ³⁾. Вотъ нѣкоторые указанiя: Извѣстно что до XIII столѣтiя и даже позже не употреблялось у насъ (то-есть въ Польшѣ) звука *rz*, а только самое *r*. Названiя мѣстностей и лицъ того времени во многомъ напоминаютъ намъ этотъ диалектъ. Мать перваго изъ князей польскихъ, называемая у всѣхъ повдѣйшихъ писателей *Rzepicha*, у Галла, даже еще у Калдубка пишется *Repicha*, *Repka* или *Repta*. Епископъ Мерзебургскій Титмаръ, хорошо знавшiй Поляковъ, захватывавшихъ овецъ его паствы, пишетъ имя Поляка *Prībwoj* или *Iekieriska*, не *Przybywoj*, *Jewierzyska*. Онъ же называетъ сестру нашего Мечислава *knieginī*, не *xięgna*, а городъ Гнѣзно—*Gnesin* (*Knieżyn*), такъ какъ въ древнихъ грамотахъ встрѣчается село *Knieżnice*. Еще въ XIV столѣтiи писались въ грамотахъ названiя селъ издревле польскихъ *Radessow*, *Brestek*, *Orechowo*, *Grodessow*, *Dubrowa* ⁴⁾, не *Radzieszow*, *Brzostek*, *Orzechowo*, *Grodzieszow*, *Dąbrowa* и пр. Въ Силезiи, этой

¹⁾ *Album na korzyść pogorzalców, wydany przez Jozefa Dunina Borkowskiego. Lwów 1844, стр. 17. См. Wiszn. hist. lit. pol. VI. 352.*

²⁾ Очевидно, Бѣлевскій говоритъ о русскомъ (мазурскомъ) нарѣчiи Юго-Западнаго края и хочетъ его присвоить Польшѣ.

³⁾ Вѣроятно онъ подразумѣваетъ Холмскую Русь.

⁴⁾ Такъ писали сами Поляки въ XIV столѣтiи, а нынче Русскіе, коверкая польскіе слова, пишутъ: Радѣшновъ, Брѣзостекъ, Орѣхово, Домбровъ, и тѣмъ-сякъ согласно съ русскою фонологіей писать по-старопольски: Радешовъ, Брестокъ, Орѣхово, Дубровъ и пр.

отчинѣ (*ojcowiznie*) Пястовъ, простая крестьянка еще и теперь называетъ своего сына *Jur* или *Jurga*, а если посовѣтуешь ей назвать его *Jerzy*, она отвѣтитъ: „иѣтъ, такъ некрасиво“. Вкусъ у людей книжныхъ и некнижныхъ различенъ.

„Впрочемъ, этотъ диалектъ всегда считался нашимъ роднымъ (*narodowy*). Янъ Кохановскій въ своихъ прекрасныхъ стихахъ употребляетъ разъ *reka*, другой разъ *ruka*, такъ какъ оба считались у него одинаково польскими. Значительно больше такихъ примѣровъ ¹⁾ находится въ сочиненiяхъ Рея, Станислава Хвальчевскаго, Бѣлскаго, Горницкаго и др.

„Второй диалектъ—свистящiй (*szczyty*), переполненный носовыми гласными, не имѣющiй ни *sz*, ни *cz*, ни *szcz*, а звукъ *r* замѣняющiй какимъ-то легкимъ свистомъ похожимъ на звукъ *sz*. Этимъ нарѣчiемъ говорятъ главнымъ образомъ въ Мазовiи (на *Mazowszu*) и въ нѣкоторыхъ другихъ поселенiяхъ ²⁾.

„Наконецъ, третiй диалектъ, на которомъ говорятъ значительныя массы неграмотнаго народа ³⁾, не упоминая о другихъ странахъ бывшей Польши, занимаетъ средину между двумя первыми. Сжимая растянутыя слова перваго, онъ пользуется звуками *sz*, *cz*, *szcz* и, гармонически (*harmonijnie*) соединяя съ неблагозвучными гласными носовыми, смягчаетъ подобно второму диалекту *d* въ *dz*, а въ выговорѣ смягченнаго *r* соединяетъ въ одно свойство обоихъ. Когда, на примѣръ, по первому диалекту въ слѣдующихъ словахъ слышится одно *r*: *more*, *gora*, *buria*, а по второму, который зовутъ мазовецкимъ, почти одно *sz*: *moze*, *goza*, *buza*,—въ третьемъ диалектѣ, на который мы здѣсь обращаемъ особенное вниманiе, соединены оба звука: *moze*, *gorza*, *burza*, чѣмъ эти слова дѣлаются понятными Мазурамъ, какъ и жителямъ Волыни и Подолiи“.

Не правда ли, какъ замысловато, по-иезуитски хитро скомбинировано *ad majorem Poloniae gloriam*? Но едва ли самъ авторъ вѣрилъ въ справедливость своего предположенiя. По крайней мѣрѣ онъ нигдѣ

¹⁾ Руссизмовъ по причинѣ не утвердившихся еще правилъ польской грамматики. Раньше развившаяся русская письменность имѣла сильное влiяніе на польскій языкъ.

²⁾ Конечно и въ мазурскихъ колонiяхъ въ русскихъ земляхъ. Бѣлевскій не знаетъ, что мазурское нарѣчiе употребляется почти во всей западной Галицiи до Кракова, въ Решовскомъ, Сандечскомъ, Тарновскомъ и другихъ уѣздахъ. См. *Tatomiř. Geogr. Galicyi*. Lwów. 1876, стр. 59.

³⁾ Надо разумѣть: преимущественно мѣщане и дворовая прислуга; оттого Бѣлевскій говоритъ неясно „массы неграмотнаго народа“, не обозначая мѣстностей, гдѣ именно живутъ эти мнимыя массы.

и никогда не развивалъ этого парадокса и не доказывалъ своей опрометчиво выставленной аксіомы. Безъ сомнѣнія, это была ракета пущенная для толпы, которая повторяла слова авторитета, а авторитетный авторъ радовался тому, что цѣль оправдала средства... *Mundus vult decipi, decipiatur ergo.*

Посмотримъ, какія еще мнѣнія распространялись въ то время на счетъ развитія славянской и русской письменности (*u naszymy sąsiadów*), которая была на высокой степени развитія въ то время, когда на польскомъ діалектѣ не было написано ни одной фразы, то-есть польскій языкъ считался въ самой Польшѣ не культурнымъ, не письменнымъ языкомъ и котораго одинокія слова приводились въ латинскихъ документахъ съ оговоркой: *vulgo, vulgariter, sicut in barbaro sonat.*

„Два Грека, пишетъ Бѣлевскій ¹⁾, уроженцы Θεσαλονικι или Солуни (Selunia), были призваны для проповѣди Христова ученія Болгарамъ и перевода св. Писанія. Они знали по-гречески, по-словенски, то-есть по-болгарски, и немного по-хазарски и перевели кое-что (*gdzie піесо?!)*, какъ знали (!) и какъ это имъ удалось, безъ вниманія къ разнымъ говорамъ (*powiatowszczyzny*) и главнымъ отбѣнкамъ языка тѣхъ народовъ, для которыхъ предназначены были ихъ книги (!). Невозможно даже предположить, чтобъ они были въ состояніи удовлетворительно совладать съ этимъ дѣломъ (!). Но коль скоро они отозвались, гласъ ихъ былъ камертономъ, по которому настраивались разныя нарѣчія, не только въ Болгаріи и Моравіи, но даже въ странахъ отъ Днѣпра до Волхова“ ²⁾.

¹⁾ *Album*, стр. 19.

²⁾ Вотъ еще одно мнѣніе о Бѣлевскомъ, отзывъ Д. И. Зубрицкаго: „Бѣлевскій въ самомъ дѣлѣ настоящій плутъ. Въ торжественномъ собраніи, которое празднуется въ октябрѣ въ залѣ заведеній Оссолинскаго и на которое приглашаются всѣ нарочитыя ученые и чиновныя лица, читалъ онъ отчетъ своего странствованія, какъ меня увѣрилъ присутствовавшій на собраніи (ибо я страдалъ тогда), отчетъ—исполненный язвительныхъ колкостей противъ Русскаго народа вообще, а Москвитянъ въ особенности, что даже лица не совсѣмъ благорасположенныя къ Россіи осуждали его, что сего рода замѣчанія въ ученомъ отчетѣ не должны имѣть мѣста. Рѣчь эта была напечатана въ газетѣ (*Львовской*) уже умѣреннѣе, но отыргаетъ все-таки желчь. Думая что могло быть поводомъ ему этимъ нападеніямъ, догадываюсь, что онъ, бывъ только временнымъ бібліотекаремъ и желая получить дѣйствительную эту должность, хотѣлъ въ присутствіи намѣстника края (гр. Голуховскаго) кичиться ненавистію къ Россіи и приверженностью къ Австріи. Я зналъ что прежде 1848 года, какъ фанатическій польскій патріотъ, (онъ) мятежничалъ, былъ врагомъ и Австріи и Россіи; но когда онъ обривъ бороду и усы сталъ тихо и хорошо вести себя, то я думалъ, что онъ образумился и поэтому рекомендовалъ его вашему высокоблагородію. См. *Письма къ М. П. Погодину*. Москва, 1879, стр. 607.

Такой вздоръ распространяли въ то время передовые польскіе писатели во Львовѣ, дабы сбить съ толку публику и умалить значеніе церковно-славянской письменности, къ коей многіе изъ русскихъ Галичанъ искренно привязывались, напримѣръ Степанъ Стмашъ, который предлагалъ принять церковно-славянскій языкъ за письменный русскій. Стоитъ со вниманіемъ и критикой прочесть всю статью Бѣлевскаго, также какъ и его статьи въ *Литературномъ Еженедѣльникѣ*, изд. въ Познани и въ другихъ журналахъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ.

В. Залескій сказалъ: „Неужели мы, Поляки, должны желать чтобы Русины имѣли свою особую литературу?... Кто меня въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому я помочь не могу, такъ какъ мнѣ неудобно говорить яснѣе“. Другими словами: Мы, Поляки, не должны желать, чтобы Русины имѣли свою особую литературу или присоединились къ русской же литературѣ. Поляки поняли эту аксіому полонизма и до сихъ поръ продолжаютъ развиваться русскою народности. Но поняли и прозорливые Русскіе хитро поставленную ловушку и всѣми силами оберегаютъ достояніе своихъ предковъ. Пока Поляки не откажутся отъ своихъ затѣй, невозможно примиреніе и дружеское сожительство однихъ съ другими.

Мечты всегда останутся мечтами, а правда правдой. Брехнею свѣтъ перейдешь, но назадъ не вернешь, говоритъ галицко-русская пословица. Намъ никогда не прельщала польская идея, такъ какъ мы убѣдились изъ исторіи и собственнаго наблюденія, что она была всегда гибельна для Руси. Поэтому мы никогда не вѣрили ни въ Поляковъ, ни въ ихъ славянофильство, ни въ польско-малорусскую этнографію. Поляки всегда стремились эксплуатировать наши силы въ свою пользу, льстили Русскимъ, пока въ нихъ нуждались, но въ душѣ не признавали правъ Руси. Бѣлевскій, казавшійся болѣе безпристрастнымъ, и тотъ не могъ выносить имени Руси. Слово о *полку Игоревомъ* названо у него (въ переводѣ, изд. во Львовѣ 1833) *поэматъ славянскій*, не русскій ¹⁾. Онъ переводилъ малорусскія пѣсни изъ Максимовича и моего сборника, не сказавъ ни слова о томъ, что это переводъ съ русскаго, а выдавалъ ихъ за свои собственные произведенія. (См. *Думки*, изд. въ Прагѣ 1838). Даже въ петербургскомъ изданіи обозначены сербскія пѣсни, но о Думкахъ и Колядахъ, заимствованныхъ отъ Руси, не упомянуто

¹⁾ Только въ петербургскомъ изданіи Вольфа, стыдѣсь назвать Слово славянской поэмой, онъ все-таки не назвалъ ее русскою, а глухо *Wyprawa Igora na Polowców*.